

UDC 94

Transformation of Zaporozhian Cossack Elites: Reasons and Stages of Sich and Cossack Army Transition to the Autonomous Elective Administration in Early XVII Century

Igor A. Melnichuk

Zhitomir national agroecological university, Ukraine
PhD (History), Assistant Professor
10002 Zhytomyr, Staryi Boulevard, 8
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Abstract. The article presents brief historic and political analysis of reasons and stages of transition of political positions of Zaporozhian Sich Cossack starshyna towards elective administration, independent of Poland in the first decades of the XVII century. The conclusion was made that the detailed hierarchy of Cossack authorities in terms of periodic rotation and reporting of all its levels, formation of personal foreign-policy priorities and autonomous aspirations, independent of Polish official position in starshynskaya elite were formed in this period.

Keywords: Poland; Zaporozhian Sich; starshynskaya elite; power structure; autonomism.

Введение. Начало XVII века ознаменовалось новым эволюционным шагом в развитии украинского казачества и его элиты: окончательным переходом к автономному выборному управлению и структуризации власти по схеме, ставшей традиционной на весь период существования Сечи. Уже с середины XVI в. четко различались Кош – вся территория, контролируемая запорожцами, с засеками, «городками», хуторами, хозяйственными объектами, местами для пасек, рыбалки, охоты, выпаса скота, и собственно Сечь – оборонительный (крепость), религиозный (церковь св. Покровы) и военно-административный центр, где находилась старшина, канцелярия, гарнизон, артиллерия, арсенал, казна. Если организационная структура Сечи и её властной вертикали подробно исследована историографией (достаточно вспомнить фундаментальные работы Е. Апанович, В. Голобуцкого, В. Кривошеи, И. Крипякевича, Ю. Мыщика, Д. Наливайко, В. Сергейчука, В. Смолия, Б. Флори и др. авторов), то причины постепенного расхождения политических программ польской и казацкой старшинской элиты в первые десятилетия XVII в. освещены в научной литературе пока не в должной мере.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе архивных источников и источников права указанного периода с учётом предыдущих наработок историков, специализирующихся на казацкой проблематике. Были использованы методы историко-политического анализа, обобщения, экстраполяции.

Обсуждение. Поскольку казацкие силы с 70-х гг. XVI в. были широко задействованы в военных операциях Речи Посполитой, с этого периода они носят название Войска Его королевской милости Запорожского Низового, имеют клейноды и собственное военное руководство. В это время в Низовом сообществе зарождается культ короля как покровителя и защитника казацких вольностей от посягательств шляхты. Начиная с 10-х гг. XVII в. образ королевича Владислава, наследника Сигизмунда III, в мировоззрении запорожцев приобрёл казацкую окраску [1, с.132], который отождествлялся с символом защитника христианской земли от «басурманской» угрозы, со справедливым отношением к казацким проблемам.

Не будем забывать, что общую массу всех казацких сообществ составляла беднота, крестьяне, укрывшиеся от издевательств и произвола господ – в сознании российского казачества также веками держался фетишизированный образ «добротного царя» и «подлых бояр», которые искажают его приказы и «творят произвол», о чём казаки регулярно извещали своего монарха в «жалобах» и «челобитных». То же делали и запорожцы, жалуясь королю на притеснения со стороны пограничных магнатов и шляхты (до бурных событий Хмельниччины включительно). Более того, рост национального самосознания и изменение мировоззренческих ориентиров, произошедшие в конце XVI – начале XVII в., принесли в возбужденную напряженным противостоянием с властями казацкую массу идею

вооруженного сопротивления окатоличиванию и закрепощению народа, когда культ короля «...приобрел новые черты согласно эволюции ценностных ориентиров и общественных притязаний казачества. Теперь король еще и «стал» защитником православной веры, патроном русского народа (в пределах отстаиваемой казаками модели русской идентичности), а в начале национально-освободительной войны – вдохновителем казаков на восстание» [1, с. 132] (Пер. авт.).

Позже Б. Хмельницкий и старшинская элита из его окружения, прекрасно понимавшая внутренний мир своих казаков, технологически удачно использовала легенду о т.н. «санкции короля» для легитимации начала Освободительной войны [2, с. 92-96; 3, с. 39-44].

Однако польская правящая элита не сумела обратить такие настроения рядового казачества в свою пользу. Политическая верхушка и выборный (элекционный) король были полностью зависимы от интересов и политической позиции шляхты – своей главной военной и экономической опоры. Почувствовав вкус сверхприбылей, которые потекли из Украины полноводной рекой, сеймовые лоббистские группировки из числа польских магнатско-шляхетских кругов, осевших на украинском пограничье, проводили решения в свою пользу. Делая в правовом поле некоторые шаги навстречу интересам казачества или православной шляхты – под давлением обстоятельств, небольшого украинского сеймового лобби, или же временной военно-политической выгоды, – король и его окружение практически параллельно принимали иррациональные решения и акты, которые напротив, ограничивали казацкие права, ущемляли экономические и религиозные свободы. Если послабления и привилегии украинству почти не подкреплялись финансово, должным образом не контролировались, и, в итоге, оставались половинчатыми или просто декларируемыми, то дискриминационные меры были, напротив, настойчивыми и чрезвычайно жесткими.

Мощными ударами для непродолжительного периода совпадения интересов казачества и польских властных элит стали последствия двух уний: Люблинской 1569 г. и Кревской церковной 1596 г., которые коренным образом изменили политический ландшафт в Украине и настроения в украинском обществе. Люблинский акт принес принципиальные изменения экономической системы, которая до того вполне успешно функционировала на украинских землях. Литовско-русские властные элиты не затрагивали личной свободы крестьян, хотя, конечно, держали их в экономической и правовой зависимости. Польские же реформы принесли крепостничество, и эту свободу в несколько быстрых этапов отобрали. Если в XIV в. отработочная рента (барщина) не превышала 14 дней в году, то в XVII в. достигла 4 и более дней в неделю [4, с. 66]. Экономическая модель, основанная на рабстве и бесправии крестьянских масс, составлявших 80% всего населения, в условиях европейского Ренессанса выглядела уже отжившим и неэффективным анахронизмом. Однако польскому шляхетству, учитывая его ментальность (презрение к низшим, высокомерие, исповедование культа силы, вера в исключительность и особое положение своего элитного сословия) казалось, что только жесткие методы, подкрепленные законодательной петлей, способны заставить работать «хлопское быдло» и обеспечить надлежащие прибыли. Крестьянин XIV – XV вв. еще мог быть относительно самостоятельным, даже держать собственных работников, в случае несогласия с господином или желая переехать – выкупить себя и стать лично свободным. В XVI в. такие переходы становятся редкими и практически невозможными. Отметим, что польский крестьянин находился еще под большим давлением, чем украинский.

А доходы шляхты от торговли зерном и другой сельхозпродукцией были значительными: нарастив в результате унии свою территорию втрое, Польша за счет использования украинских черноземов стала главным поставщиком зерна в обессиленную непрерывными войнами Европу. Во время «Тридцатилетней войны» (1618-1648 гг.) эти доходы превратились в сверхприбыли – случались годы, когда некоторые европейские страны, территории которых стали ареной боевых действий, просто не в состоянии были посеять и собрать урожай. У польского состоятельного сословия появилась тяга к роскоши и возможность, подобно турецкой и ведущей европейской аристократии, жить на широкую ногу. Попытки польских властных элит перестроить политическую систему Литвы по образцу своего государства привели к принятию в 1557 г. в Великом княжестве Литовско-

Русском «Устава на волоки», когда барщина юридически увеличилась до 2 дней в неделю [4, с. 67]. Земля, а не традиционные прибыли прошлых веков от животноводства, лесов, озер и рек, превратилась для элит в главную ценность и источник обогащения.

Таким образом, трения новой пограничной шляхты с давно укоренившимся здесь казацким и крестьянским населением, носили в первую очередь экономический характер. Магнаты и шляхта, исповедуя культ «кулачного права» и преимущество в социальном статусе (благородное сословие всесторонне поддерживал закон) пыталось путем самозахвата, выкупа, отбора по суду земель и самовольных поборов установить на Порубежье свой контроль. Занимая правительственные должности в украинских городах и крепостях, они неоднократно обращались к польскому руководству с требованиями ограничения свобод казаков и наложения на казацкие доходы официальных взысканий и налогов [5, s.131]. Этим и обусловлены две характерные линии поведения казачества по отношению к шляхте: попытка узаконить равные с ней права и вооруженное сопротивление в случае несправедливости. Со сплошь вооруженным и лично свободным населением приграничья разговор с позиции силы и принуждения непременно приводил к социальному взрыву. Перегретый котел непреодолимых социальных, экономических и статусных противоречий дал трещины уже в конце XVI в., вылившись в масштабные казацко-крестьянские восстания под предводительством К. Косинского (1591-1593), С. Наливайко и Г. Лободы (1594-1596).

Настоящими причинами (а не поводом) к восстанию К. Косинского стали запреты и ограничения, наложенные на нереестровое казачество правительственным постановлением «Порядок по низовикам и Украине» 1590 г., неспособность власти контролировать выполнение этого постановления, а также задержкывыплат реестровым казакам [6, с. 173-174] – традиционные недостатки польской политики по отношению к казачеству.

Н. Яковенко отмечает, что, очевидно, неожиданно для самого К. Косинского, борьба за возвращение урочища Рокитного, которое захватил князь Януш Острожский, «приобрела характер немалой войны. На протяжении всего 1592 г. вспышки казацкого неповиновения фиксируются на Киевщине (в Переяславе и Киеве казаки, как и в Белой Церкви, овладели замками и забрали из них оружие), на Брацлавщине, ... на Волыни, где отряды казаков начали нападать на благородные дома» [6, с. 176]. После подавления восстания силами надворного войска Я. Острожского и А. Вишневецкого (Варшава считала конфликт внутренним спором украинских элит), оказалось, что казачество пошло за гетманом как на праведную войну – на поле битвы под Пяткой, где полегли казаки, было найдено 26 пушек и все хоругви.

Анализируя события восстания С. Наливайко, мы можем утверждать, что оно не стало бы таким широким и кровавым, если бы население вместе с казачеством не получило ментальной травмы в виде унижения религиозных убеждений в результате активизации унийных процессов католической и православной церквей. Программа создания церковной унии с чрезвычайной секретностью и многими просчетами в реализации была начата в 1590 г. усилиями части иерархов с обеих сторон и поддержана польскими властными элитами. Эта уния в 1596 г. была провозглашена в Бресте – в год начала восстания. Воплощение в жизнь униатского постановления фактически поставило украинское православие вне закона, что стало следующим этапом, подтолкнувшим украинскую казацкую элиту к автономизации.

Поэтому призыв к восстанию С. Наливайко, учитывая его извинения перед Сечью за участие в качестве надворного сотника кн. К. Острожского в событиях под Пяткой, поддержали все – и старшина реестровых и запорожцев, и крестьянство, и, негласно, сам влиятельнейший К. Острожский. В событиях участвовала немало высшей казацкой элиты во главе с гетманом реестровых Г. Лободой и гетманом запорожцев М. Шаулой. Вожди восстания были потомками украинских шляхетских и боярских родов: С. Наливайко, Г. Лобода, М. Шаула, Б. Микошинский, К. Кремпский, Ф. Полоус, К. Подвысоцкий и др. Когда, получив письмо с просьбой о помощи от Г. Лободы, кошевой атаман К. Подвысоцкий бросился Днепром со своей флотилией на выручку восставшим, на Сечи осталось всего чуть более 500 казаков [7]. Важно подчеркнуть, что это было первое большое не столько антишляхетское, сколько антипольское выступление, поэтому двенадцатитысячных казацкая армия смогла с боями взять под свой контроль Брацлавщину, Киевщину, Волынь,

восстание перекинулось на Подолье, частично в Галицию и Беларусь. Перед казаками не устояли гарнизоны мощных укрепленных замков Белой Церкви, Бара, Канева, Гусятина, Луцка, Киева, Минска и других городов.

Почувствовав размах, и, главное, характер угрозы, властные элиты Польши бросили против восставших одного из лучших своих военачальников – коронного гетмана С. Жолкевского, сняв регулярные войска с молдавского фронта.

Эта казацко-крестьянская вспышка гнева еще не имела шансов на успех, многие из казацкой старшины предчувствовали поражение с самого начала: в столкновении с регулярным польским войском восставшие на тот момент проигрывали численно и материально – оружие и порох добывали во взятых крепостях. Но сам факт первой настоящей войны казачества с Польшей как государством свидетельствует о постепенном расхождении целей и внутривнутриполитических задач польской и казацкой старшинской элит.

В дальнейшем этот разрыв только углублялся, завершившись конфронтацией двух идеологий, двух народов и их элит в ходе Национально-освободительной войны 1648–1654 гг. Погасив с немалыми трудностями пламя восстания С. Наливайко, польские правящие элиты были шокированы и напуганы его масштабом и продолжительностью. После нечеловеческих пыток с целью внесения смятения и шока в украинские массы шесть вождей восставших были казнены, Сейм издал первый из многих аналогичных документов – решение об объявлении казачества вне закона (т.н. «баницию»). Но это постановление было уже физически невозможно выполнить: казацкий свободолюбивый способ мышления, независимая позиция, готовность идти на жертвы во имя Украины глубоко проникли в народ, а казацкая экономика стала заметным фактором на границе со Степью. Н. Яковенко подчеркивает, что «...казаки уже на рубеже XVI - XVII вв. владели обширными поместьями над Диким Полем... В целом же исследователи по материалам двух правительственных ревизий (1616 и 1622 гг.) насчитывают в степной части Украины около 9–10 тыс. казацких дворов, то есть как минимум 50-60 тыс. человек, живших на «казацком праве», отнюдь не разделяя правительственного взгляда на себя как на враждебную обществу аномалию» [6, с. 179].

Казацкий хутор на Пограничье постепенно становился доминирующим типом землевладения. В него входили пастбища, луга, сенокосы, пруды, пасеки, развиты были многочисленные промыслы. На хуторе работал сам казак с семьей и наемные рабочие из числа крестьян [5, с. 91]. Во время ревизии 1622 г. королевские ревизоры, к примеру, отметили, что вблизи Переяслава «казаки засели городские хутора», а в Корсунском старостве сел вообще не было, «только хутора казацкие» [8, с. 57].

Несмотря на склонность казаков преуменьшать свою численность и перманентные потери во время боевых действий, несколько десятков тысяч хорошо обученных профессиональных воинов были всегда наготове по приказу старшины выступить в любом направлении, проводя не только оборонительные, но и превентивные наступательные «добычнические» операции, причем их количество быстро росло. Непосредственно на Сечи, учитывая ограниченные возможности крепости и трудности тылового обеспечения, постоянно находилось не более 5-6 тыс. человек, но после объявления похода этот отряд за счет казачества, проживавшего на зимовниках (хуторах) легко трансформировался в значительное войско. Как отмечают украинские авторы фундаментального труда «История украинского казачества»: «По осторожным подсчетам, украинских казаков в конце XVI в. насчитывалось до 20 тыс., во время Великой Московской Смуты казаки это количество легко «делегируют» для добычничества на Московскую, а в 1621 г. под булавой П. Сагайдачного в Хотинской войне приняло участие до 40 тыс. чел.» [1, с. 141].

С самого начала казацкая старшинская элита приобретает полифункциональный характер, взяв на себя главные управленческие задачи и решения: функцию стратегического и тактического руководства военными операциями; экономического управления деятельностью Сечи и всей территории Войска Запорожского, выработки своеобразной фискальной политики для наполнения бюджета (военной казны); функцию формирования внешней и внутренней политики казацкой республики; рекрутирование и отбор новых членов сообщества, отбора и проверки кандидатов на вхождение в казацкую элиту; функцию юридическую и наблюдательную.

В итоге на Сечи сложилась четкая структура военно-политической и административной элиты, которая с самого начала приобрела консервативные по содержанию и очень демократические по процедурным характеристикам признаки. Вся вертикаль власти избиралась на общей военной Раде, где мог участвовать каждый казак, прямым голосованием простым большинством голосов на фиксированный срок (год), по окончании которого давала отчет «товариществу». Рада была также главным органом демократической власти – законодательной, исполнительной и судебной одновременно, собираясь 3 раза в год. Здесь решались главные вопросы жизни казачества: объявление войны и мира, судебных решений и приговоров, кадровые, дипломатические, экономические (распределение земли и угодий) вопросы. При необходимости Раду могли собрать в любой момент, а ее решения считались обязательными для выполнения [9; 10].

Несмотря на публичную и демократическую процедуру выборов старшины, когда голосование длилось порою несколько недель, нередко сопровождаясь конфликтами, после принятия решения каждый казак считал его законным и окончательным – дискуссия мгновенно прекращалась, начинался этап планирования и управленческих решений. Казачье сообщество, военное по своей сути, выработала стройную систему военно-хозяйственного управления, на каждой ступени которой поддерживался жесткий регламент обязанностей и дисциплина. Система эта вобрала в себя опыт вечевого администрирования, построения княжеских дружин и христианских рыцарских орденов, в судебной системе ощутимые были влияния Русской Правды, Литовских статутов и турецкой практики наказаний. Она оказалась очень эффективной и удержалась почти без изменений три столетия.

Текущие вопросы войска, дипломатии, финансов, донесения разведки и контрразведки рассматривались на старшинских Радах (советах), были еще и рады куренные (для решения мелких срочных дел) и паланковые, где решались дела холостых казаков.

Кошевой атаман (в военное время гетман), олицетворявший высшую военную, судебную и административную власть на Сечи, Войсковой судья, Генеральный (военный) писарь, Войсковой есаул, Войсковой обозный, куренные атаманы 28 казацких подразделений («куреней») – эти должностные лица входили в число казацкой старшины и составляли высшее военно-политическую и административную элиту сообщества. Казацкая община редко ошибалась в людях, тем более, что элита действовала в условиях постоянной отчетности и ротации. Поэтому, как правило, старшина имела чрезвычайно высокий авторитет не только среди казачества, но и в народе – до возникновения непреодолимого имущественного и политического расслоения на Сечи это была настоящая элита нации.

За военной старшиной шли меньше должностные лица, обязанностью которых было предоставление квалифицированной помощи старшине (в разное время на Сечи насчитывалось от 49 до 149 должностей) [9]. Непосредственно за войсковой старшиной стояла старшина походная (полковник – сотники – атаманы десятка), где все должности также были выборными [10].

В первые десятилетия XVII в. международный авторитет казацкого войска и его элиты значительно окреп – казаки в составе наемных войск принимали участие в ряде операций Тридцатилетней войны, польско-шведской войне в Ливонии (1601-1602 гг.), гетман С. Кошка «ходил с 4000 казаков на Молдову и во Плоешти добыл вражеские становища» [11, с. 181]; отозвалась старшина на предложение польской власти принять участие в походе на Москву Лжедмитрия I (1604), который лично посетил Сечь и заручился поддержкой казаков [6, с. 179]; в 1606 г. казацкий флот атаковал турецкие крепости Варну, Килию и Аккерман; в 1607 г. чайки П. Сагайдачного разбили турецкую флотилию под Очаковом; в 1608 г. казаки разгромили крымскую крепость Перекоп, куда татары свозили ясырь; в 1609 г. казаки прошли вдоль черноморского побережья, опустошив Аккерман, Килию и Измаил.

Поддержали казацкие полки и второй поход на Москву другого польского ставленника – Лжедмитрия II в (1607-1610), а в армии короля Сигизмунда при осаде Смоленска в 1609 г. казаков насчитывалось 50 тыс. [6, с. 180]. Следующая война с Москвой (1611-1613 гг.) заставила польское руководство привлечь к кампании 30 тыс. казаков [6, с. 180; 11, с. 181]. Вышеуказанные военные операции были результатом самостоятельных решений казацкой Рады и старшинской элиты Запорожья.

Заключення. Как видим, польские правящие круги, несмотря на баниции и суровые репрессивные меры против «произвола» казаков, продолжали в своих военных операциях и рассчитывать, и прямо опираться на казацкую силу. Обусловлено это было двумя причинами – в этот период лучшего, относительно дешевого и прекрасно обученного войска в Европе не было. С казачеством уже нужно было считаться и договариваться – его потенциал и военная мощь выросли, выстроилась стройная военная иерархическая система власти, четкая организация – это уже были не те разрозненные «ватаги бандитов и разбойников», с которыми еще недавно довольно легко могли справиться пограничные старосты. Второй причиной стало то, что Польша в первые десятилетия XVII в. ещё имела политико-экономические рычаги достижения договорённостей с казацкой старшиной. На Сечь зачастили послы европейских государств с соблазнительными предложениями присоединиться к антитурецкой коалиции, формировавшейся в то время – Европа начала говорить с Запорожьем как с отдельным самостоятельным государственным образованием, что одновременно и беспокоило Польшу, и заставляло ее скорее держать грозную казацкую силу в качестве союзника и формального вассала – на практике Сечь уже превратилось в протогосударство, независимую казацкую республику, в недрах властной элиты которой постепенно складывалась собственная политическая программа. В этой программе не было места вассалитету – элита Сечи начинает воспринимать Речь Посполитую в лучшем случае как партнера и одного из работодателей, в худшем – как оккупационную и враждебную силу. Запорожская Сечь окончательно переходит к автономному функционированию.

Примечания:

1. Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / Редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. К.: Вид. дім «Кієво-Могилянська академія», 2006. Т.1. 800 с.
2. Флоря Б.Н. Запорозьке козацтво і плани турецької війни Владислава IV (політика верхів і суспільна свідомість низів). // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. К., 1992. Вип.1. С.92-96.
3. Флоря Б.Н. Отношение казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20-30-х гг. XVII в. и на начальном этапе народно-освободительной войны. // Славяноведение. М., 2009. №2. С. 39-44.
4. Лановик Б. Д., Матейко Р. М., Матисякевич З. М. Історія України: Навчальний посібник. / За ред. Б. Д. Лановика. 3-тє вид. К., 2000. 574 с.
5. Zrodldziejowe. Warszawa, 1877. Т. 5. S.131.
6. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Генеза, 1997.
7. Сушинський Б. І. Козацькі вожді України: історія України в образах її вождів та полководців XV-XVI ст. Одеса: Маяк, 1996. 592,[2] с.
8. Каманин И. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого. // ЧтенияИстор. об-ваНестора-летописца. К., 1848. С. 57.
9. Мицик Ю. А. Як козаки воювали / Мицик Ю. А., Плохій С. М., Стороженко І. С. Дніпропетровськ: Січ, 1991. 302 с.
10. Наливайко Д. Козацька християнська республіка. Львів: Світ, 1994. 240 с.
11. Крип'якевич І. Запорозьке військо./ Історія українського війська. // Крип'якевич І., Гнатевич Б., Стефанів З. та ін. Львів: Світ, 1992. 712 с.

References:

1. Istoryaukraïns'kogokozatstva: Narisi: U 2 t. / Redkol.: V. A. Smolii (vidp. red.) tain. – K.: Vid. dim «Kievo-Mogilyans'kaakademiya», 2006. T.1. 800 s.
2. Florya B. N. Zaporoz'kekozatstvo i planiturets'koiviiniVladislava IV (politikaverkhiv i suspil'nasvidomist'niziv). // Ukraïna: kul'turnaspadshchina, natsional'nasvidomist', derzhavnist'. K., 1992. Vip.1. S.92-96.
3. Florya B. N. Otnosheniekazachestva k Rechi Pospolitoivo vremy akazatskikh vosstaniï 20-30-kh gg. KhVII v. i nanachal'nometapenarodno-osvoboditel'noivoiny. // Slavyanovedenie. M., 2009. №2. S. 39-44.

4. Lanovik B. D., Mateiko R. M., Matisyakevich Z. M. Istorija Ukraïni: Navchal'niiposibnik. / Zared. B. D. Lanovika. 3-te vid. K., 2000. 574 s.
5. Zrodladiejowe. Warszawa, 1877. T. 5. S.131.
6. Yakovenko N. Narisistorii Ukraïni z naidavnishikh chasiv dokintsya XVIII stolittya. Kiïv: Geneza, 1997.
7. Sushins'kii B. I. Kozats'kivozhdi Ukraïni: istoriya Ukraïni v obrazakh ii vozhditapolkovodtsiv XV-XVI st. Odesa: Mayak, 1996. 592, [2] s.
8. Kamanin I. K voprosu o kazachestvedo Bogdana Khmel'nitskogo. // Chteniya Istor. ob-va Nestora-letopistsa. K., 1848. S. 57.
9. Mitsik Yu. A. Yakkozakivoyuvali / Mitsik Yu. A., Plokhii S. M., Storozhenko I. S. Dnipropetrovs'k: Sich, 1991. 302 s.
10. Nalivaiko D. Kozats'kakhrystiyans'ka respublika. L'viv: Svit, 1994. 240 s.
11. Krip'yakevich I. Zaporoz'keviis'ko. / Istoriyaukraïns'kogoviis'ka. // Krip'yakevich I., Gnatevich B., Stefaniv Z. tain. L'viv: Svit, 1992. 712 s.

УДК 94

**Трансформация элит Запорожского казачества:
причины и этапы перехода Сечи и Войска Запорожского в начале XVII в.
к автономному выборному управлению**

Игорь Анатольевич Мельничук

Житомирский национальный агроэкологический университет, Украина
кандидат исторических наук, доцент
10002 г. Житомир, Старый Бульвар, 8
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Аннотация. В статье проведен краткий историко-политический анализ причин и этапов трансформации политических позиций казацкой старшины Запорожской Сечи в первые десятилетия XVII в. по направлению к автономному от Польши выборному управлению. Делается вывод о складывании в этот период четкой иерархии власти казацкого сообщества на условии периодической ротации и отчетности всех ее ступеней, формированию у старшинской элиты собственных, не зависящих от польской официальной позиции внешнеполитических приоритетов и автономистских устремлений.

Ключевые слова: Польша; Запорожская Сечь; старшинская элита; структура власти; автономизм.